

РУССКИЕ СИНГУЛЯТИВЫ (СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ЕДИНИЧНОСТИ): СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК

Елена Лепоевич

Нишский университет

Ниш, Республика Сербия

jelena.lepojevic@filfak.ni.ac.rs

<https://orcid.org/0000-0001-7660-0406>

Аннотация. В статье проводится контрастивный анализ словообразовательных моделей русских сингулятивов – существительных единичности типа *снежинка, горошина* – и предлагается классификация основных стратегий их перевода на сербский язык. Данный класс существительных в русском языке отличается высокой степенью грамматикализации, регулярностью и продуктивностью образующих суффиксов. В сербском языке, где сингулятивы не образуют столь же системной словообразовательной категории, основными способами передачи их семантики являются лексическая перифраза с партикуляризатором (*зрно песка*), использование узуальных диминутивов (*пахуљица*) либо подбор иного лексического эквивалента. Основная цель исследования – путем сопоставительного анализа выявить системные различия в образовании и функционировании существительных единичности в русском и сербском языках и описать оптимальные стратегии их межъязыковой передачи.

Методологическую основу составляют методы контрастивной и словообразовательной лингвистики, а также традиционные лингвистические методы: метод сплошной выборки, лексико-семантический, описательный метод. Эмпирическую базу формируют примеры из художественных текстов и их переводов (Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, М. А. Булгаков, И. Андрич), а также данные лексикографических источников, что обеспечивает репрезентативность материала. Результаты исследования систематизируют частную, но сложную область межъязыковой асимметрии. Практическая значимость работы заключается в возможности её применения в преподавании русского языка как иностранного в сербской аудитории и в переводческой практике. Проведённый анализ вносит вклад в теорию сопоставительного языкознания, наглядно демонстрируя, как сходные когнитивные задачи решаются в разных языковых системах различными грамматическими и лексическими средствами.

Ключевые слова: сингулятив, категория единичности, словообразование, суффиксы, собирательные существительные, русско-сербский перевод, сопоставительная лингвистика, языковая асимметрия, переводческие стратегии.

Для цитирования: Лепоевич Е. Русские сингулятивы (существительные единичности): словообразовательные модели и стратегии перевода на сербский язык // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 188–203. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-188-203>

Сведения об авторе: *Е. Лепоевич* – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Философский факультет, Нишский университет, 18101, Республика Сербия, г. Ниш, ул. Кирилла и Мефодия, 2.

Scientific Article
UDC 8.81-114.2
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-188-203>

SINGULATIVE NOUNS IN RUSSIAN: WORD-FORMATION PATTERNS AND TRANSLATION STRATEGIES INTO SERBIAN

Jelena Lepojevic

University of Niš, Faculty of Philosophy
Niš, Republic of Serbia
jelena.lepojevic@filfak.ni.ac.rs
<https://orcid.org/0000-0001-7660-0406>

Abstract. The article presents a contrastive analysis of word-formation patterns of Russian singulative nouns such as *снежинка* (*snowflake*), *горошинка* (*a pea*) and proposes a classification of the main strategies for their translation into Serbian. In Russian, this class of nouns is characterized by a high degree of grammaticalization, along with regularity and highly productive patterns of suffixation. In the Serbian language, where singulatives do not constitute an equally systematic word-formation category, the primary methods for conveying their semantics are lexical paraphrase with a particularizer (*зрно песка* – *grain of sand*), the use of established diminutives (*пачуљица* – *small snowflake*), or the selection of an alternative lexical equivalent. The main goal of the research is to identify, through comparative analysis, systemic differences in the formation and functioning of singulative nouns in Russian and Serbian and to describe optimal strategies for their cross-linguistic transfer. The methodological basis consists of contrastive and word-formation linguistics methods, as well as traditional linguistic methods: continuous sampling, lexico-semantic analysis, and the descriptive method. The empirical base includes examples from literary texts and their translations (by F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, M. A. Bulgakov, I. Andrić), as well as data from lexicographic sources, ensuring the representativeness of the material. This approach allows for describing not only formal correspondences but also revealing semantic nuances. The results of the study systematize a specific yet complex area of cross-linguistic asymmetry. The practical significance of the work lies in its potential application in teaching Russian as a foreign language to a Serbian audience and in translation practice. The conducted analysis contributes to the theory of contrastive linguistics, clearly demonstrating how similar cognitive tasks are resolved in different language systems through various grammatical and lexical means.

Keywords: singulative, category of unity, word-formation, suffixes, collective nouns, Russian-Serbian translation, contrastive linguistics, linguistic asymmetry, translation strategies.

For citation: Lepojevic J 2026, 'Singulative nouns in Russian: Word-formation patterns and translation strategies into Serbian', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 188–203, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-188-203> (in Russ.)

Information about the Author: *Jelena Lepojevic* – PhD in Philology, Associate Professor of Department of Russian Language and Literature, University of Niš, 2, Ćirila i Metodija., Niš, 18101, Republic of Serbia

Введение

В статье исследуются способы выражения значения единичности в русском языке и коррелятивные средства в сербском языке.

Данное исследование рассматривает существительные единичности как важный элемент русской языковой картины мира: тема, на наш взгляд, очень актуальна. Сингулятивы, как иначе называют существительные единичности, это языковые средства, которые служат для выделения единичного элемента из множества или массы и отражают специфику категоризации действительности ее носителями. С точки зрения контрастивной лингвистики актуальность темы усиливается необходимостью описания подобных лексико-грамматических единиц, поскольку их безэквивалентный статус порождает конкретные трудности при переводе.

Цель работы – систематизировать их словообразовательные модели в русском языке и выявить адекватные стратегии передачи на сербский язык, где данный грамматико-семантический класс выражен менее регулярно.

Методология включает в себя сопоставительный анализ, метод деривационной реконструкции, лексико-семантический и описательный методы. В рамках словообразовательного анализа выявляются продуктивные модели русских сингулятивов, среди которых преобладают суффиксальные образования с *-ин(а)* (*горошина*), *-инк(а)* (*снежинка*) и *-к(а)* (*пылинка*). На плане семантики и словообразования они соотносятся с собирательными (*горох*), вещественными (*снег*) или плюральными (*пыль*) существительными.

Вторая часть статьи посвящена стратегиям перевода: в силу отсутствия симметричной формы выражения единичности анализируются основные способы передачи значения русских сингулятивов на сербский язык, иллюстрируемые примерами из художественной литературы.

Проведенный нами анализ обосновывает вывод, что русские сингулятивы представляют собой чёткую словообразовательную категорию высокой продуктивности, отражающую когнитивный механизм индивидуализации.

Результаты исследования имеют прикладное значение для переводческой практики и преподавания русского языка в сербской аудитории.

Теоретические основы: сингулятивы в системе русского языка

Значение единичности, противопоставленное собирательности или вещественности, находит в русском языке регулярное и продуктивное выражение в особой словообразовательной категории – категории сингулятивов¹ (существительных единичности). В современной лингвистической литературе сингулятивами принято называть «суффиксальные образования, имеющие общее значение ‘единичный предмет, принадлежащий к массе вещества или к совокупности однородных предметов’» [24, с. 5]. Данные лексические единицы служат формальным средством языкового (концептуального) членения, называя отдельный, мысленно выделенный элемент из нерасчленённой массы или совокупности однородных предметов. Ключевым является определение существительных единичности как «таких отдельных предметов, которые выделены из совокупности однородных и которые в больших количествах и образуют эту совокупность» [24, с. 7] – данное определение, на наш взгляд, представляет важное содержательное расширение и уточнение существующих толкований.

Теоретической основой для анализа данной категории, помимо монографии В. Н. Мусатова, послужили и положения академической «Русской грамматики» (Шведова Н. Ю. и др.), фундаментальные труды по словообразованию (Е. А. Земская,

В. В. Виноградов) а также данные специализированных словообразовательных словарей (Т. Ф. Ефремова).

Русские сингулятивы представляют собой структурированную и высокопродуктивную словообразовательную категорию. Их системное ядро составляют суффиксы, обладающие специализированной семантикой «единичности, выделенной из целого» и строгими правилами деривации от основ собирательных и вещественных имён². Эта морфологическая регулярность и семантическая прозрачность создают в русском языке эффективный инструмент для концептуализации мира.

Несмотря на то, что существительные с описанной характеристикой являются спецификой системы русского языка и заслуживают особого внимания каждого, кто его изучает, данный разряд слов остается недостаточно изученным: о сингулятивах писали лишь в разделах грамматик, посвящённых словообразованию имён существительных или в словообразовательных словарях (в статьях о конкретных суффиксах). Чаще же всего, помимо общих упоминаний о категории, не приводилось никаких более подробных сведений.

Такая ситуация в теоретическом описании осложняет преподавание русского языка, особенно в инославянской среде, к которой относится и сербоговорящая аудитория.

Ключевым вкладом монографии В. Н. Мусатова является именно это системное описание, проясняющее базовые механизмы образования сингулятивов.

Системная особенность русских сингулятивов, как будет показано далее, и порождает основную трудность при поиске эквивалентных средств передачи в сербском языке, где отсутствует столь же симметричная и грамматикализованная словообразовательная парадигма.

Лингвострановедческий прием

Русский язык характеризуется ярко выраженной тенденцией к детализации. Для его носителей такая специфика часто остается неосознанной, но с позиции преподавателя русского языка отметим, что усвоение таких деталей требует значительного внимания в процессе изучения русского языка. В контексте нашего исследования русский язык дает возможность говорящему эксплицитного обозначения единичного элемента, извлекаемого из массы, который тем самым получает статус самостоятельного, исчисляемого предмета. В сербском языке, как будет показано далее, это функция реализуется иными средствами.

Продуктивная категория русских сингулятивов таким образом представляет собой не только грамматическое явление, но и важный элемент языковой картины мира (ЯКМ), отражающий особый способ концептуализации действительности её носителями.

Опираясь на определение В. А. Масловой, согласно которому ЯКМ представляет собой «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности» [23, с. 64–73], понимаем, что язык выполняет не просто номинативную, но и категоризирующую функции. Обоснованность такого понимания подтверждает фундаментальная идея А. А. Потебни об языке как об «орудии мышления», формирующем само наше восприятие реальности [27].

Русские сингулятивы – это не просто грамматический факт. Они одновременно и отражение, и инструмент закрепления в русской ЯКМ противопоставления «нерасчленённая масса / четко выделенный объект». В отличие от этого для сербского

языкового сознания такое грамматическое членение той же действительности не являлось столь значимым, чтобы оно нашло свое отражение в грамматических категориях языка.

Согласно принципам когнитивной лингвистики, подобные различия уходят корнями в особенности концептуализации окружающего мира: язык не просто средство для передачи мыслей, а активный инструмент, который эту мысль структурирует, категоризирует и даже конструирует. Через язык человек расчленяет окружающий мир, выделяет в нем отдельные фрагменты, классифицирует их и тем самым делает понятным и доступным для себя [7; 22].

Разный подход русского и сербского языков к способам номинации единичности подтверждает идею Е.С. Кубряковой о том, что грамматические системы – своего рода «культурные фильтры»: каждый язык пропускает через себя мир по-своему, членя единый человеческий опыт (фрагмент реальности) по-разному, закрепляя в грамматике наиболее значимые для своей культуры смыслы [22].

Словообразовательная парадигма

Как уже отмечалось, сингулятивы образуются от основ собирательных и вещественных существительных с помощью определённых суффиксов [8, с. 121; 20, с. 261; 24, с. 16]. Наиболее продуктивными и системными средствами выражения значения единичности в современном русском языке являются суффиксы *-ин(а)* и *-инк(а)* ³.

Суффикс *-ин(а)* ⁴ образует существительные женского рода с общим значением «единичный предмет, принадлежащий к массе вещества или к совокупности однородных предметов, названной мотивирующим словом» [19, с. 538; 28, с. 205]. В «Русской грамматике» выделяются три четких семантических подтипа таких образований:

а) частица однородной массы, мотивированная собирательным существительным: *горох – горошина, виноград – виноградина, клюква – клюквина, картофель – картофелина*;

б) кусок (часть) материала, названного мотивирующим словом: *лёд – льдина, железо – железина, холст – холстина*;

в) одна из одинаковых частей, составляющих парный предмет: *брюки – брючина, лыжи – лыжина, штаны – штанина, рельс – рельсина* [28, с. 205].

Суффикс *-инк(а)* ⁵ образует существительные женского рода со значением «одна маленькая частица однородной массы» [19, с. 540; 28, с. 205]. Как правило, мотивирующими словами выступают вещественные или собирательные существительные: *пыль – пылинка, снег – снежинка, роса – росинка, пух – пушинка, крупа – крупинка* [28, с. 205].

Стоит также обратить внимание на то, что некоторые существительные на *-инк(а)* можно рассматривать как вторичные образования – диминутивы от уже существующих сингулятивов на *-ин(а)*, где значение единичности осложняется уменьшительностью: *бисерина – бисеринка, изюмина – изюминка* [28, с. 205]

Семантическую суть явления точно определяет В. В. Виноградов: «Суффикс *-ин(а)* имеет значение единичности. Он производит от основ слов с вещественно-собирательным значением названия единичной вещи, единичного предмета, выделенного из какой-нибудь массы, из совокупности» [8, с. 121]. При этом, как он справедливо указывал, следует различать сингулятивы на *-ин(а)* (*горошина, жемчужина*) и производные на *-инк(а)* (*песчинка, изюминка*), где к значению единичности часто добавляется экспрессивно-оценочная компонента.

Представленные данные дают возможность сделать вывод о разделении функций между суффиксами: суффикс *-ин(а)* служит моделью для обозначения чётко выделенных, часто довольно крупных единиц (*горох* → *горошина*, *картофель* → *картофелина*), в то же время как суффикс *-инк(а)*, напротив, чаще формирует названия мелких, трудно различимых частиц (*пыль* → *пылинка*, *песок* → *песчинка*), причем его семантика часто осложняется дополнительным уменьшительно-оценочным оттенком.

К очень похожему выводу приходит и И. Атанасова. Более того, она углубляет анализ, замечая важный нюанс: при возможности *параллельного образования простых сингулятивов* ⁶ с обоими суффиксами от одной основы разница, по её наблюдениям, обычно сводится к размеру – *виноградина* 'крупное зерно винограда', а *виноградинка* – 'маленькое зернышко винограда'» [3, с. 12]. Если от слова существует лишь одна сингулятивная форма, то «оттенок уменьшительно-ласкательного или увеличительного значения суффикса теряется, однако сохраняется то единичное название, суффикс которого по семантике соответствует размерам обозначаемого предмета» [3, с. 12].

Проведенный анализ позволяет определить сингулятив как специализированное средство языковой категоризации. Его особенность в том, что он находится на стыке двух систем: словообразования, как дериват образован с помощью суффикса, и категории числа – он называет один предмет, формально выражая единичность, но при этом может иметь форму множественного числа. Он служит для того, чтобы мысленно выделить отдельный элемент из того, что воспринимается как непрерывное или гомогенное целое (масса, вещество, совокупность).

Учитывая все указанные семантические нюансы, предметом дальнейшего анализа станут только те сингулятивы, выделяющие один предмет из массы или совокупности однородных. Сингулятивы, образованные от существительных pl. tantum остается за пределами данного исследования, так как требует отдельного рассмотрения.

Средства выражения семантики единичности в сербском языке

В отличие от русского, в современном сербском языке грамматическая категория единичности не выделяется.

Первое упоминание данной категории на сербской почве встречается в *Грамматике русского языка* сербского лингвиста Радована Кошутича в начале XX века.

С тех пор ни в одной грамматике сербского языка не рассматривается категория, обладающая всеми характеристиками русских сингулятивов. Традиционно в сербских грамматиках ⁷ выделяют только единственное и множественное числа, в рамках которых имеются существительные, употребляющиеся только в одной форме (*singularia* и *pluralia tantum*).

Более детально к этому вопросу возвращается Б. Дабич: к категории числа, по его мнению, стоит отнести и сингулятивы, которые по смыслу противопоставляются существительными со значением *коллективность* и *собирательность* [9, с. 202]. Автор отмечает, что категория единичности в сербском языке семантически обусловлена, что сингулятивы встречаются лишь в определенных семантических группах существительных. Ученый определяет их как маргинальное явление в рамках грамматической категории числа, которые формально маркированы суффиксом *-ин* у существительных мужского рода и суффиксом *-ка у* – женского [9, с. 200].

Дабич в продолжении статьи в качестве примеров сингулятивов мужского рода рассматривает этнонимы типа *Србин, Турчин, Арапин, Бугарин* и тому подобное [9, с. 200–201]. Следует отметить, что в русском языке такая группа существительных в силу словообразовательных особенностей к сингулятивам не относится.

Для нашего исследования, однако, гораздо интереснее немногочисленные примеры существительных женского рода, которые Дабич считает сингулятивами: *сламка, травка и во́рка* [9, с. 201].

Слама (собирательное, солома) → *сламка* (один отдельный стебель соломы, соломинка);

трава (собирательное, трава) → *травка* (одно отдельное растеньице, травка);

во́рка (собирательное, фрукты) → *во́рка* (одно фруктовое деревце/плод).

Эти редкие примеры, которые действительно обозначают один предмет из массы однородных, представляют собой, скорее, пережитки сингулятивных образований.

В этой небольшой группе выделяется частотный суффикс *-ка*, который в сербском языке употребляется преимущественно для выражения предметности или уменьшительности (диминутивности). Лишь изредка его присоединение к основе существительного *pluralia tantum* или существительного женского рода, обозначающего вещество, растение или абстрактную массу, может привести к значению «один отдельный элемент из этой массы».

Во всех остальных случаях для передачи значений, аналогичных русским сингулятивам, сербский язык использует иные, более характерные для него средства.

Чтобы выразить ту же идею, что в русском передается сингулятивом, сербский язык использует конструкции с уточняющим словом (партикуляризатор). Эта стратегия – партикуляризация – подробнее рассматривается в работах ведущих сербских лингвистов, таких, как Милка Ивич [21], Предраг Пипер [26], Райна Драгичевич [17; 18].

Получается, что для сербского языка типичен описанный способ выражения единичности, который напрямую относится с выделяемой Атанасовой категории «описательных (составных)» сингулятивов, «состоящих из сочетаний слов» [3, с. 10], к которым она относит примеры типа *мешок картофеля; кисть винограду; головка луку; кочан капусты; долька чеснока* и т. п. [3, с. 15–16].

Русские сингулятивы обладают способностью образовывать формы множественного числа (*виноградины, горошины*). В сербском же языке в силу отсутствия такого способа номинации для обозначения счётности предметов из массы снова используется «партикуляризатор као назив јединице мере: *четири главице купуса*» [25, с. 58–59].

Таким образом, в языковой картине мира носителей сербского языка нет необходимости грамматически детализировать и выделять единичное из массы. А раз нет устойчивой потребности, не возникло и специальной грамматической категории. В сербском языке также нет продуктивных суффиксов, чьей единственной или первичной функцией было бы преобразование названия вещества в название одной его частицы.

Из вышесказанного выходит, что два языка решают одну задачу разными способами: сербский язык ориентирован на лексическую конкретизацию, в то время как русский использует суффиксальное словообразование в рамках особой словообразовательной категории. Первый путь аналитический (извне), второй – синтетический (изнутри), и в этом состоит главное различие в их подходе к осмыслению мира.

Стратегии перевода русских сингулятивов на сербский язык

Именно эти контрасты в устройстве двух языков – грамматико-семантические характеристики сингулятивов, а также тот факт, что это явление более характерно для русского языка и встречается в нём чаще – во многом определило подход к изучению темы на материале литературного корпуса. Большая часть приводимых нами примеров извлечена из русских оригиналов и сопоставляется с их сербскими переводами. Несмотря на высокую продуктивность сингулятивов в русском языке, выясняется, что в литературных произведениях они встречаются не так уж часто. Как правило, это те самые классические примеры вроде *снежинка*, *горошинка*, *жемчужинка*, на которых это явление чаще всего и иллюстрируется в грамматиках.

При переводе на сербский язык возникает проблема функциональной асимметрии: поскольку формальный эквивалент в большинстве случаев отсутствует, главной стратегией становится передача самой семантики единичности через лексические замены или перестройку фразы.

На основе отобранных примеров мы выявили несколько закономерностей на русско-сербском уровне.

Перевод полными словообразовательными аналогами

При наличии полного словообразовательно-семантического аналога русский сингулятив переводится на сербский язык соответствующим производным словом. Учитывая, что в сербском языке только три словоформы можно отнести к сингулятивным, полное совпадение словообразовательных моделей наблюдается лишь в случае со словом *сламка*.

Сингулятив *сламка* / *соломинка* ⁸ входит в состав одного и того же устойчивого выражения в обоих языках (*хвататься за соломинку* / *хватати се за сламку*), что иллюстрируют следующие примеры.

Да он и сам не знал; ему, как хватавшемуся за **соломинку**, вдруг показалось, что и ему "можно жить, что есть еще жизнь, что не умерла его жизнь вместе с старою старухой". [10, II/VII, с. 203]; Ta ni sam nije znao; njemu se kao onomu, što se hvata za **slamčicu**, učinilo odjednom, da i on »može živjeti, da još postoji život, da nije umro njegov život zajedno sa starom babom.« [11, с. 142]; Он то ни сам не знађаше; њему се, као оном што се хватао за **сламку**, наједаред учини да и он „може живети, да још има живота, да није умро његов живот заједно са старом бабом“ [12, с. 220]

– Ну, так зачем же... как же вы сказали: чтоб ограбить, а сами ничего не взяли? – быстро спросила она, хватаясь за **соломинку** [10, V/IV, с. 442]; – No, zašto dakle... kad rekoste sami: da opljačkate, a niste ništa uzeli? – zapita ona brže, hvatajući se za **slamčicu** [11, с. 296]; – Па зашто сте... како сте могли рећи: да је похарате, а овамо ништа нисте узели? – брзо пита она, хватајући се за **сламку** [12, с. 159]

Интересно, что в первом варианте перевода, несмотря на наличие полного аналога *сламка*, переводчик выбрал существительное *сламчица* – диминутив с более

выраженным значением уменьшительности. Таким способом подчёркивается безвыходность ситуации.

Второй предложенный вариант принадлежит более опытному переводчику (Жован Максимовић), чей труд традиционно отличается тонкостью и точностью в выборе языковых средств. Он использует нейтральный сингулятив *сламка*, что соответствует стилистике оригинала.

Стоит отметить, что даже имея формальный эквивалент, переводчики нередко делают осознанный выбор, который зависит от их понимания текста и стилистических предпочтений.

Приведем важное примечание: в случае существительного *травка* совпадение с соответствующей русской формой обнаруживается лишь на графическом уровне, в то время как на семантическом уровне расходятся: в сербском слово *травка* имеет сингулятивное значение, тогда как русское то же слово обладает прежде всего диминутивным значением, сохраняя собирательный смысл («маленькая или нежная трава»). Такое расхождение является ярким примером межъязыковой омонимии и может привести к ошибкам при переводе:

Господа, — воскликнул я вдруг от всего сердца, — посмотрите кругом на дары божии: небо ясное, воздух чистый, **травка** нежная, птички, природа прекрасная и безгрешная, а мы, только мы одни безбожные и глупые и не понимаем, что жизнь есть рай (...) [13, II/VI/II, с. 308]; Господо – узвикнух ја наједном из свег срца – погледајте око себе на ове дарове божје: ведро небо, ваздух чист, **травка** нежна, птичице, природа прекрасна и безгрешна, а ми, само смо ми безбожни и глупи, и не видимо да је живот рај (...) [14, с. 312].

Для перевода этого предложения предпочтительнее было слово *травица*, семантически близкое к русскому оригиналу (нежная трава). Употребление же сингулятива *травка* в этом контексте является стилистически или семантически неоправданным.

Лексическая трансформация

Наиболее частым способом передачи семантики русского сингулятива в сербском языке является его перевод с помощью универсального слова-конкретизатора (партикуляризатора) в составе описательного словосочетания. Как уже отмечалось, в системе сербского языка отсутствует грамматикализованная возможность для такой же степени номинативной индивидуализации и детализации, как в русском. Обособление единичного предмета из однородной массы в сербском регулярно принимает форму конструкции с уточняющим, формообразующим словом, таким, как *зрно / зрнце* (зерно), *главица* (кочан) или *мрвица* (крошка).

Это хорошо видно на примере перевод одного и того же предложения из романа «Мастер и Маргарита». Несмотря на минимальные различия между двумя вариантами перевода, русский сингулятив *горошина* во всех случаях передан одной и той же аналитической конструкцией *зрно грашка* (дословно «зерно гороха»):

Домик, который был размером в **горошину**, разросся и стал как спичечная коробка [4, г. 22, с. 275]; Кућица, величине **зрна грашка**, поче да расте и постаде као кутија од шибица [5, с. 326]; Кућа која је била величине **зрна грашка** порасте и постаде као кутија шибице [6, с. 309]

Эта закономерность встречается у переводных эквивалентов подавляющего большинства русских сингулятивов: *виноградина* (зрно грождја), *песочина* (зрно песка), *пылинка* (зрнце прашине); *черничина* (бобица боровнице); *помидорина* (један парадајз), *картофелина* (један кромпир), *конфетина* (једна бомбона); *луковина* (главица лука), *капустина* (главица купуса); *чесночина* (чешањ белог лука); *дождинка* (кап кише), *росинка* (кап росе).

Встречаются случаи, когда нужно передать не просто единичность, но и счётность таких элементов. В сербском языке эта проблема решается добавлением числительного к конструкции с конкретизатором (мрвица):

Пушку поставили на пол, дулом в пустое место, втиснули в затравку три *порошинки* и зажгли спичкой [13, IV/X/V, с. 558]; Топић поставише на под, цев му уперише на неко празно место, утиснуше у цевчицу три *мрвице барута*, и запалише шибицом [14, с. 563]

Показателен и обратный случай из перевода на русский: сербское слово *зрно*, часто выступающее в роли конкретизатора, здесь употреблено в обобщённом значении (как зерна) и переведено русским сингулятивом *горошины*:

У таквим часовима цела та Проклета авлија јечи и трешти као огромна дечја чегрталка у циновској руци, а људи у њој поигравају, грче се, сударају међу собом и бију о зидове као **зрна** у тој чегрталци [1, с. 13]; В такие часы Проклятый двор стонет и оглушительно грохочет, точно огромная детская погремушка в руках великана, в которой люди на манер **горошин** пляшут, корчатся, ударяются о стенки и друг о друга [2, с. 8].

Таким образом, аналитический способ (словосочетание с конкретизатором) является в сербском языке основным для номинации единичного элемента из массы сыпучих, зернистых или мелких предметов. Это принципиально отличается от суффиксального способа, грамматикализованного в русском языке в рамках категории сингулятивов.

Замена словообразовательной модели слова

В иных случаях передача значения единичности в переводе осуществляется подбором в сербском языке лексического эквивалента, который, хоть и не является дериватом от слова, обозначающего массу, но передаёт схожую семантику отдельной частицы.

Наглядной иллюстрацией такого межъязыкового несоответствия моделей служит следующий пример из художественного текста:

Само гроб међу невидљивим фратарским гробовима, изгубљен попут **пахуљице** у високом снегу (...) [1, с. 81]; Только могила среди других, невидимых сейчас монашеских могил, затерявшаяся, как **снежинка**, в глубоком снегу (...) [2, с. 56].

Сербское слово *пахуљица* представляет собой дериват слова *пахуља* (снежинка) с уменьшительным значением. Само слово *пахуља* по своей семантике является сингулятивом, так как называет единичный объект (одну снежинку), выделенный из однородной массы. Ключевое отличие от русской пары заключается в том, что сербское *пахуља* лексикализовано и не мотивировано словом *снег*, в то время как русская *снежинка* прозрачно образована на базе существительного *снег* с помощью сингулятивного суффикса *-инк(а)*.

Аналогичная стратегия применяется, когда семантика русского сингулятива передаётся непроизводным сербским существительным, уже обозначающим единичный предмет:

– Rosina! — запели мы оба, я, чуть не обнимая ее от восторга, она, покраснев, как только могла покраснеть, и смеясь сквозь слезы, которые, как *жемчужинки*, дрожали на ее черных ресницах [15, с. 163]; – Росина! – запевамо обоје, ја безмало је грлећи од радости, она поцрвеневши колико је год могла и смејући се кроз сузе, које су као *бисер* блистале на њеним црним трепавицама [16, с. 46].

Сербское существительное *бисер* (жемчуг) своей основной формой семантически эквивалентно русскому сингулятиву *жемчужина*. При этом сербский язык располагает и диминутивом *бисерчић* (*жемчужинка*), который может акцентировать как отдельность элемента из массы, так и его малый размер.

В обоих рассмотренных случаях сербский язык, не имея специализированного суффикса со значением единичности, использует готовые лексемы другого словообразовательного типа, с уже заложенной семантикой единичности.

Описательный перевод

Встречаются и случаи, когда в сербском языке отсутствуют адекватные средства для передачи значения русского сингулятива без искажения семантики и образности оригинала. Даже наиболее близкий переводной вариант может звучать неестественно и не позволять читателю восстановить точную авторскую картину. Яркой иллюстрацией этой проблемы служит следующий пример:

Всё это случилось в одно время: мальчик подбежал к голубю и улыбаясь взглянул на Левина; голубь затрещал крыльями и отпорхнул, блестя на солнце между дрожащими в воздухе *пылинками снега*, (...) [29, IV/XV, с. 404]; А све се то десило у исто време: малишан притрча голубу и смешећи се погледа у Љевина; голуб залепрша крилима и одлете сијајући на сунцу у *снежном трњу* што је дрхтало у ваздуху; (...) [30, с. 483].

Слово *пылинки* представляет собой форму множественного числа от сингулятива *пылинка*. В данном контексте она создаёт конкретный, детализированный образ: множество отдельных, видимых частиц снежной пыли, дрожащих в воздухе. Этот образ построен на идее единичности, умноженной до множества.

Столкнувшись с отсутствием прямого соответствия, переводчик заменил исходный образ на метафору — *снежно трње* («снежные колючки», «иней»). Хотя такое решение сохраняет общую идею «дрожания в воздухе», происходит принципиальная смысловая подмена: физически точное изображение множества дискретных единиц подменяется обобщённым, метафорическим образом стихии. В результате выбранной переводческой стратегии полностью утрачивается сингулятивная семантика, присущая русскому оригиналу.

Данный пример показывает, как отсутствие в языке-реципиенте соответствующей словообразовательной категории (сингулятивов) может вести к компенсаторным стратегиям, которые, сохраняя общую эстетическую функцию, способны полностью аннулировать специфическую семантику точности, единичности и вещественной конкретности, которая составляет суть образа в русском оригинале.

Опущение

Иногда значение единичности оказывается несущественным в конкретном контексте, или прямое соответствие отсутствует настолько, что его передача потребовала бы громоздких пояснений – в таких случаях в переводе может применяться приём опущения проблемной лексемы с переносом её общего смысла на другой уровень текста.

Наглядным примером служит перевод русской идиомы, в основе которой лежит сингулятив:

И ведь знает человек, что никто не обидел его, а что он сам себе обиду навдумал и налгал для красы, сам преувеличил, чтобы картину создать, к слову привязался и **из горошинки сделал гору**, — знает сам это, а все-таки самый первый обижается (...) [13, II/II, с. 46]; Лепо зна човек да га нико није увредио, него да је он сам себи увреду измислио и налагао ради лепоте; сам је преувеличавао, да би неку слику створио; закачио се за реч па од **муве начинио медведа**; све он то и сам зна, а ипак се први налази увређен (...) [14, с. 47].

Русский сингулятив *горошинка* в сербском переводе не сохраняется. Его конкретная семантика («маленький круглый предмет») признана малозначимой для общей цели высказывания – создания гиперболы о сильном преувеличении. Вместо буквального перевода происходит замена культурного кода.

Интересно, что в переводе использован не самый частотный вариант этой идиомы («направить од муве слона»), а менее распространённый – «медведа» (медведя). Это можно считать авторской находкой, которая сохраняет структуру и смысл гиперболы (преувеличение: маленькое животное – большое животное), но при этом вслед за оригиналом Достоевского придает тексту индивидуальный оттенок.

Данный случай показывает, как неперебиваемый на лексическом уровне элемент (сингулятив *горошинка*, встроенный в идиому) компенсируется на уровне фразеологии. Переводчик жертвует буквальной точностью, чтобы сохранить гиперболу и обеспечить естественность звучания в языке перевода, используя для носителей сербского языка знакомую модель сравнения.

Выводы и перспективы

Проведённый контрастивный анализ позволяет сделать ряд выводов о системном различии в выражении единичности между русским и сербским языками. Ключевое различие состоит в том, что русский язык формализует значение единичности в рамках особой словообразовательной категории, в то время как сербский язык реализует это значение на лексико-синтаксическом уровне с помощью сочетаний слов. Эта разница отражает более общую тенденцию: русский тяготеет к синтетическим средствам, включая значение в структуру слова, а сербский – к аналитическим, выражая его через связь между словами в словосочетании. Именно данное системное несовпадение порождает основные трудности при переводе.

Важно, что это различие – не просто технический факт, а отражение особенностей языковой картины мира. Русские сингулятивы закрепляют особую схему восприятия действительности, ориентированную на детализацию и четкое выделение элемента из массы. Следовательно, это ставит перед переводчиком задачу, которая часто выходит за рамки простого поиска лексического эквивалента.

На основе проведенного анализа можно выделить преобладающие переводческие стратегии. При переводе с русского на сербский наиболее естественной и частой оказывается лексическая конкретизация – замена сингулятива описательным сочетанием с уточняющим словом (*зрно, главица, комад*). Обратная задача – перевод на русский – чаще требует морфологической конкретизации, то есть выбора соответствующего суффикса.

Научная и практическая значимость данного исследования заключается в конкретизации методов работы с безэквивалентными грамматическими явлениями, где выбор стратегии прямо зависит от системных различий языков. Его результаты имеют прикладное значение для практики перевода и методики преподавания, показывая, как одна семантическая функция реализуется на разных уровнях языковой структуры.

В заключение стоит подчеркнуть, что перевод русских сингулятивов – это всегда акт межъязыковой и межкультурной адаптации, требующий от переводчика понимания глубинных механизмов категоризации реальности.

Примечания

1. За словами этого лексико-грамматического разряда, кроме термина «сингулятив», в лингвистической традиции закрепились наименования «образований со значением единичности», «существительных со значением единичности», «единичных существительных», «имён единичных». Однако мы отдаём предпочтение термину «сингулятив», который удобен в употреблении в силу того, что состоит из одного слова и тем самым выгодно отличается от всех остальных словосочетаний [24, с. 5].
2. В. Н. Мусатов подчёркивает, что сингулятивы, «являясь по своей природе конкретными именами существительными, деривационно связаны только с конкретными существительными, следовательно, не могут образовываться от абстрактных *pluralia tantum*» [24, с. 22].
3. Хотя основное внимание традиционно уделяется этим двум суффиксам, Мусатов отмечает, что «в деривации сингулятивов могут участвовать дополнительно целый ряд суффиксов, напр.: -ОК, -ЕЦ, -ИЦ-А, -НИЦ-А, -АШК-А, -УШК-А и некоторые другие» [24, с. 152].
4. Образование сингулятивов с суффиксом -ин(а) является «самым продуктивным» [24, с. 20], а по данным словарей такие слова составляют более 41 % от общего числа сингулятивов [24, с. 20].
5. Вопрос о сингулятивах с суффиксом -инк(а) «остаётся мало изученным и самым запутанным» [24, с. 81].
6. Атанасова в своей классификации различает две структурные группы сингулятивов – «простые (однословные), образованные при помощи суффиксов, и описательные (составные), состоящие из сочетаний слов» [3, с. 10], типа мешок картофеля; кисть винограду; головка луку; кочан капусты; долька чеснока [3, с. 15].
7. Б. Дабич так и пишет, что членение грамматического числа на единственное и множественное является несколько упрощённым [11, с. 203].
8. Различие в корне (солом- / слам-) обусловлено историческим фонетическим процессом: праславянская группа *-оло-*, сохранившаяся в русском языке, в сербском подверглась изменению в *-ла-* (ср. голова – глава).

Список источников и литературы

1. Андрич И. Проклятый двор / пер. с серб. Т. П. Поповой. М.: Текст, 2000. 221 с.
2. Андрић И. Проклета авлија. Београд: Просвета, 1981.
3. Атанасова И. Специфика сингулятивов // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica. 2012. № 8. С. 9–17.
4. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М.: ЭКСМО, 2005. 432 с.

5. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита / пер. с рус. М. Чолић. Белград: Book & Marso, 2003. 446 с.
6. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита / пер. с рус. З. Коцић. Белград: Завод за уџбенике и наставна средства (ЗУНС), 2010. 458 с.
7. Везбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М.: Рус. словари, 1996. 416 с.
8. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Рус. язык, 2001. 720 с.
9. Дабић Б. Белешке о категорији јединичности у српском језику // Наш језик. 2000. Т. 33, № 3-4. С. 198–203.
10. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М.: ЭКСМО, 2004. 608 с.
11. Dostojevski F. M. Zločin i kazna (preveo Iso Velikanović). Zagreb, 2018. 321 с.
12. Достоевски Ф. М. Злочин и казна / прев. Јован Максимовић. Пирот: Pi-press, 2008. ? с.
13. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: ЭКСМО, 2005. 797 с.
14. Достоевски Ф. М. Браћа Карамазови (превео Јован Максимовић). Београд: Новости, 2006. 799 с.
15. Достоевский Ф. М. Белые ночи: Сентиментальный роман. М.: ЭКСМО, 2003. 96 с.
16. Достоевский Ф. М. Беле ноћи: Сентиментални роман: пер. с рус. Белград: Граматик, 2005. 102 с.
17. Драгићевић Р. О неким особеностима партикуларизатора-убличивача // Научни састанак слависта у Вукове дане. 2003. Т. 31, № 1. С. 137–146.
18. Драгићевић Р. О партикуларизаторима-садрживачима // Српски језик. 2000. Т. 5, № 1-2. С. 427–447.
19. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. язык, 2000. 1233 с.
20. Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.
21. Ивић М. О партикуларизаторима // Јужнословенски филолог. 1980. Т. 36. С. 1–13.
22. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира. М.: Языки слав. культуры, 2004. 560 с.
23. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. вузов. М.: Академия, 2004. 208 с.
24. Мусатов В. Н. Сингулятивы в современном русском языке: монография. М.: Флинта, 2022. 200 с.
25. Пипер П. Клајн И. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2013. 925 с.
26. Пипер П. О типовима квантификатора у српскохрватском језику // Научни састанак слависта у Вукове дане. 1982. Т. 11, № 2. С. 93–103.
27. Потевня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
28. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 789 с.
29. Толстой Л. Н. Анна Каренина. Тула: Приок. кн. изд-во, 1983. 911 с.
30. Толстој Л. Н. Ана Каренина / пер. с рус. З. Велимировић. Белград: Завод за уџбенике и наставна средства (ЗУНС), 2004. 942 с.

References

1. Andrić, I 2000, Proklyatyy dvor (The Damned Yard), trans. Т. Р. Popova, Tekst publ, Moscow. (In Russ.)
2. Andrić, I 1981, Prokleta avlija (The Damned Yard), Prosveta publ, Belgrade. (In Serb.)
3. Atanasova, I 2012, 'Spetsifika singulyativov' (Specificity of Singulatives), Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica, no. 8, pp. 9–17. (In Russ.)

4. Bulgakov, MA 2005, Master i Margarita (The Master and Margarita), EKSMO publ, Moscow. (In Russ.)
5. Bulgakov, MA 2003, Master i Margarita (The Master and Margarita), trans. M. Čolić, Book & Marso publ, Belgrade. (In Serb.)
6. Bulgakov, MA 2010, Master i Margarita (The Master and Margarita), trans. Z. Kocić, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva (ZUNS) publ, Belgrade. (In Serb.)
7. Wierzbicka, A 1996, Yazyk. Kultura. Poznaniye (Language. Culture. Cognition), Russkiye slovari publ, Moscow. (In Russ.)
8. Vinogradov, VV 2001, Russkiy yazyk: Grammaticheskoye ucheniye o slove (The Russian Language. A Theory of the Word), Russkiy yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
9. Dabić, B 2000, 'Beleške o kategoriji jedinichnosti u srpskom jeziku' (Notes on the Category of Singulative in the Serbian Language), Naš jezik, vol. 23, no. 3-4, pp. 198–203. (In Serb.)
10. Dostoyevskiy, FM 2004, Prestupleniye i nakazaniye (Crime and Punishment), EKSMO publ, Moscow. (In Russ.)
11. Dostoyevskiy, FM 2018, Zločin i kazna (Crime and Punishment), trans. I. Velikanović, Zagreb. (In Croat.)
12. Dostoyevskiy, FM 2008, Zločin i kazna (Crime and Punishment), trans. J. Maksimović, Pi-press publ, Pirot. (In Serb.)
13. Dostoyevskiy, FM 2004, Bratya Karamazovy (The Brothers Karamazov), EKSMO publ, Moscow. (In Russ.)
14. Dostoyevskiy, FM 2006, Braća Karamazovi (The Brothers Karamazov), trans. J. Maksimović, Novosti publ, Belgrade. (In Serb.)
15. Dostoyevskiy, FM 2003, Belyye nochi: Sentimentalnyy roman (White Nights), EKSMO publ, Moscow. (In Russ.)
16. Dostoyevskiy, FM 2005, Bele noći: Sentimentalni roman (White Nights), Gramatik publ, Belgrade. (In Serb.)
17. Dragičević, R 2003, 'O nekim osobenostima partikularizatora-uobličivača' (On Some Features of the Particularizer-Shaper), Naučni sastanak slavista u Vukove dane, vol. 31, no. 1, pp. 137–146. (In Serb.)
18. Dragičević, R 2000, 'O partikularizatorima-sadrživačima' (On Particularizer-Containers), Srpski jezik, vol. 5, no. 1-2, pp. 427–447. (In Serb.)
19. Yefremova, TF 2000, Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy (A New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formation), Russkiy yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
20. Zemskaya, EA 2011, Sovremennyy russkiy yazyk: Slovoobrazovaniye (Modern Russian Language. Word Formation), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
21. Ivić, M 1980, 'O partikularizatorima' (On Particularizers), Južnoslovenski filolog, vol. 26, pp. 1–13. (In Serb.)
22. Kubryakova, ES 2004, Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira (Language and Knowledge. On the Way to Gaining Knowledge about Language. Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Cognition of the World), Yazyki slavyanskoy kultury publ, Moscow. (In Russ.)
23. Maslova, VA 2004, Lingvokulturologiya (Linguocultural Studies), Izdatelskiy tsentr «Akademiya» publ, Moscow. (In Russ.)
24. Musatov, VN 2022, Singulyativy v sovremennom russkom yazyke (Singulatives in the Modern Russian Language), Flinta publ, Moscow. (In Russ.)
25. Piper, P & Klajn, I 2013, Normativna gramatika srpskog jezika (Normative Grammar of the Serbian Language), Matitsa srpska publ, Novi Sad. (In Serb.)
26. Piper, P 1982, 'O tipovima kvantifikatora u srpskohrvatskom jeziku' (On Types of Quantifiers in the Serbo-Croatian Language), Naučni sastanak slavista u Vukove dane, vol. 11, no. 2, pp. 93–103. (In Serb.)
27. Potebnya, AA 1999, Mysl i yazyk (Thought and Language), Labirint publ, Moscow. (In Russ.)
28. Shvedova, NYu (ed.) 1980, 'Fonetika. Fonologiya. Udareniye. Intonatsiya. Slovoobrazovaniye. Morfologiya' (Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word Formation. Morphology),

- Russkaya grammatika: v 2 t. (Russian Grammar. In 2 vols.), vol.1, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
29. Tolstoy, LN 1983, Anna Karenina (Anna Karenina), Priokskoye knizhnoye izdatelstvo publ, Tula. (In Russ.)
 30. Tolstoy, LN 2004, Ana Karenjina (Anna Karenina), trans. Z. Velimirović, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva (ZUNS) publ, Belgrade. (In Serb.)

Статья поступила в редакцию: 01.02.2026
Одобрена после рецензирования: 20.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 01.02.2026
Approved after reviewing: 20.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026